

Голос Ло Цинчжу прозвучал совсем рядом. Мать Ци, которая только что от боли не хотела даже шевелиться, вдруг перевернулась и вскочила на ноги. Глаза её округлились так, будто вот-вот вывалятся. Она яростно уставилась на него и заорала:

— Чушь собачья! Ты, бесполезный дрянной гэр, пользуешься тем, что моего сына здесь нет, и льёшь на него грязь! Ой, нет справедливости на свете!

— Как ты смеешь такое говорить! Как ты после этого перед моим сыном ответишь?!

— А этот дурак ведь к тебе всей душой! Ты достоин его?!

Эти слова резали слух сильнее всего. Линь Синь-нян так разозлилась, что снова бросилась вперёд и отвесила ей несколько пощёчин, ругаясь:

— Тьфу! Этот пёс Ци Шань натворил дел, совесть нечиста, вот и не смеет сам людям на глаза показаться? Почему сам не пришёл, а мать вперёд выпихнул? Тоже, значит, знает, что стыдно!

Не сказала бы - ещё ладно, а стоило ей это произнести, как мать Ци завывала ещё громче, причитая сквозь рыдания:

— Ай-ай-ай! Моего сына избили так, что он с постели встать не может, а ты тут ещё злорадствуешь! Кто знает, не ты ли велела людям его избить?!

Эти слова заставили Линь Синь-нян и Ло Цинчжу на мгновение замереть. Мать и сын переглянулись и оба увидели в глазах друг друга недоумение.

Цуй Ланьфан тоже давно услышала шум у соседей. Она велела Баньбань сидеть дома и, не выдержав тревоги, вышла посмотреть. Как раз застала эту сцену. Она даже не взглянула на сидящую на земле, избитую до синяков мать Ци. Первым делом увидела Линь Синь-нян - край юбки испачкан, волосы слегка растрёпаны - и, широко раскрыв глаза, поспешила к ней. Поддержав её за руку, тревожно спросила:

— Синь-нян! Эта старая ведьма тебя ударила?!

У «старой ведьмы» глаза раскрылись ещё шире, чем у неё. Жаль только, веки распухли и посинели, так что со стороны были видны одни щёлочки. Она ткнула пальцем в себя, потом в Линь Синь-нян. Голос её взвизгнул так пронзительно, будто мог проткнуть небо.

— Кто кого ударил?!

Линь Синь-нян сперва закатила глаза на мать Ци, потом схватила Цуй Ланьфан за руку, похлопала её по тыльной стороне ладони и с большим удовлетворением сказала:

— Неплохо, неплохо. Сестра Ланьфан, ты тоже научилась ругаться!

Цуй Ланьфан неловко улыбнулась.

И тут к ним один за другим подошли ещё трое. Впереди шёл Сун Цинфэн. В руке он нёс большой кусок свежей грудинки, перевязанный соломенной верёвкой. Шагах в десяти позади него плелись братья Ци Шань и Ци Шу. Увидев Сун Цинфэна, Ци Шань стал похож на мышь, увидевшую кота: тут же потянул младшего брата назад, прячась за ним.

Но когда он понял, что Сун Цинфэн тоже направляется к дому семьи Ло, спрятаться уже было невозможно. Ему оставалось только тащить Ци Шу за собой и издали следовать за ним, про себя несколько раз выругавшись: вот же не повезло.

Сун Цинфэн подошёл к воротам семьи Ло, прямо проигнорировал распластанную перед входом «кучу живого мяса», затем шагнул вперёд с куском свежей грудинки в руке и сказал:

— Сегодня торговля шла плохо, осталось немного мяса. Один я всё равно не съем, вот и принёс тётушке.

Торговля шла плохо? Сегодня с самого утра Лю Гуй взял Цинь Жунши и отправился в город торговать. Очевидно же, сегодня рыночный день. Какая ещё плохая торговля в рыночный день?

Линь Синь-нян не стала разоблачать его. Только негромко усмехнулась, приняла его добрую волю, но тут же обернулась и крикнула стоявшей позади Ло Майэр:

— Майэр, сходи в дом за деньгами.

Доброе намерение можно принять, но мясо нельзя брать даром. Линь Синь-нян это хорошо понимала. Сун Цинфэн нахмурился и хотел что-то сказать, но Ло Цинчжу уже взял деньги у младшей сестры и протянул ему. Он угрюмо закрыл рот и всё же взял деньги.

В этот момент Ци Шань наконец, опираясь на палку, доковылял к ним. Пришёл он не к Ло Цинчжу, а к матери Ци. Когда он подошёл ближе, толпа зевак наконец разглядела: Ци Шань пострадал ещё сильнее, чем его мать. На голове у него вздулся большой бугор, на лбу зияла рассечённая рана. Кровь уже свернулась, но рана всё ещё выглядела липкой и пугающей. Веко распухло и нависло, уголок глаза переливался сине-фиолетовыми пятнами, под губой темнел жуткий кровоподтёк, а сами губы распухли так, что смотреть было страшно.

Ци Шань, хромая, подошёл ближе, сердито уставился на мать и раздражённо крикнул:

— Мама! Я же говорил - не приходи, не приходи! Почему ты всё равно не слушаешь?! Хватит устраивать сцену! Пойдём домой!

То ли из-за угрызений совести, но, говоря это, Ци Шань даже не осмеливался смотреть на Ло Цинчжу.

Мать Ци почувствовала себя обиженной. Для кого она всё это делает? Разве не ради него?! А у этого мальчишки в глазах совсем нет матери. Разве он не видит, что её лицо избили до крови? Хоть бы слово заботы сказал!

Мать Ци уселась на землю и снова принялась рыдать и буянить:

— Ах ты бессовестный! Посмотри, до чего они твою мать избили! Больно-то как! Невестка поднял руку на свекровь, нет на свете справедливости!

От крика у Ци Шаня разболелась голова. Наконец он взглянул на Ло Цинчжу и с недоверием спросил:

— Цинчжу, как ты мог ударить маму? Как ни крути, она же старшая!

В этот миг Ло Цинчжу правда почувствовал, что раньше был слеп. Как он вообще мог полюбить такого мужчину?

Линь Синь-нян не могла стерпеть, что он так клеветает на её сына. Она свирепо уставилась на него и рявкнула:

— Что за чушь несёшь! Это я её побила!

Вокруг тут же заговорили и другие:

— Точно, это твоя тёща её побила!

— Да уж, у Цинчжу самый мягкий нрав. Как он мог бы поднять руку?

Услышав это, Ци Шань неловко потёр руки, осторожно взглянул на Ло Цинчжу и испытующе спросил:

— Цинчжу, ты уже успокоился?

Он и правда мог спросить это так легко? Будто в тот день случилась какая-то пустяковая семейная ссора. Ло Цинчжу теперь даже плакать не мог. Он не стал говорить ничего лишнего

и прямо спросил:

— Ты пришёл подписать письмо о разводе?

Ци Шань сердито сказал:

— Цинчжу! Ты правда совсем не думаешь о нашей супружеской привязанности? Мы ведь столько лет женаты!

Ло Цинчжу только усмехнулся и спросил в ответ:

— Ты тоже знаешь, что мы женаты столько лет. Тогда что сделал ты?

Ци Шань ещё хотел что-то сказать, но Ло Цинчжу не дал ему такой возможности и быстро добавил:

— Не будем пока говорить об этом. Скажи при своей матери: кто из нас двоих на самом деле не может иметь детей - я или ты?

Мать Ци сперва думала, что Ло Цинчжу несёт вздор. Но она не ожидала, что он осмелится сказать такое прямо перед её сыном, да ещё так уверенно, без малейшей тени вины. Словно... словно это было правдой...

У матери Ци сердце ёкнуло. Она машинально повернулась к сыну, Ци Шаню, и как раз успела заметить промелькнувшую в его глазах вину.

Кто знает сына лучше матери? Одного этого взгляда ей хватило, чтобы понять: Ло Цинчжу сказал правду. Её сын и впрямь не мог иметь детей!

Мать Ци ещё пребывала в потрясении, а Ци Шань уже взорвался от стыда, перешедшего в ярость.

— Ло Цинчжу! Замолчи!! Не смей говорить!!! Не смей!!!

С этими словами он рванул вперёд, прямо к Ло Цинчжу. Глаза выпучены, как медные колокольчики, лицо перекошено от злобы. По его виду можно было подумать, что он вот-вот ударит.

Линь Синь-нян поспешно заслонила собой Ло Цинчжу и Майэр. Цуй Ланьфан тоже отступила в сторону и машинально стала оглядываться, ища какую-нибудь подходящую палку. В доме были ещё две большие собаки. Увидев, что Ци Шань бросился вперёд, они тоже рванулись к

хозяевам и встали перед ними, яростно лая. Слюна летела из пастей; стоило Ци Шаню подойти ближе - они бы тут же прыгнули и вцепились в него.

Но собаки ещё не успели броситься, как первым двинулся Сун Цинфэн, стоявший у ворот. Он нетерпеливо цокнул языком, схватил Ци Шаня за ворот, затем пнул его по уже раненой ноге. В следующее мгновение, прижав рукой его загривок, он повалил Ци Шаня на землю лицом прямо в грязь.

— Ци, тебе всё мало? Вторую ногу тоже потерять хочешь?

Ци Шань задрожал. Пару дней назад, когда он возвращался с работы в деревню, на маленькой дороге кто-то набросил на него мешок и избил. Лица того человека Ци Шань не видел, но сила удара, этот способ пинать, хватать за ворот и прижимать к земле - всё было точно таким же, как сейчас!

Увидев, что её сына прижали к земле, мать Ци пронзительно закричала и тут же вскочила, бросившись вперёд. Она не знала Сун Цинфэна, только казалось, что этот высокий крепкий мужчина ей смутно знаком, будто она видела его в городе. Но сейчас матери Ци было не до размышлений. Она кинулась тянуть Сун Цинфэна за руки, а Ци Шу, увидев, что брата прижали, тоже поспешил помочь.

Увидев Ци Шу, Сун Цинфэн, казалось, разозлился ещё сильнее. Он пнул Ци Шаня в сторону, затем, развернувшись, схватил Ци Шу и тоже избил его.

— Я всё на него отвлёкся! А про тебя забыл!

Сун Цинфэн рявкнул, ударил раз, другой, потом ещё пару раз пнул. Вскоре Ци Шу уже лежал на земле, как мёртвый. Теперь всё было ладно: у братьев лица распухли одинаково, один хромал на правую ногу, другой - на левую. Пострадали ровно и аккуратно.

Свирепо-то как.

Линь Синь-нян и остальные смотрели на это, ошеломлённые. Каждый раз, когда Сун Цинфэн опускал кулак, Цуй Ланьфан втягивала воздух и испуганно втягивала шею. Ло Цинчжу даже прикрыл глаза Ло Майэр, но у девочки глаза сияли. Она раздвинула пальцы брата и тайком смотрела сквозь щёлочку.

Она ещё и пробормотала:

— Это и есть тот «кулак размером с мешок песка», о котором говорил брат Гуюй?

И правда, кулак был немаленький. И бил он тоже весьма основательно.

Ло Цинчжу смотрел на Сун Цинфэна, который размахивал кулаками, и неизвестно было, о чём он думал. Спустя долгое время он тихо сказал:

— ...Я помню, в детстве он был не таким.

Линь Синь-нян всё ещё была потрясена Сун Цинфэном и совсем не расслышала, что сказал Ло Цинчжу. Она запинаясь переспросила:

— Ч-что?

Но Ло Цинчжу уже не повторил, только с очень странным выражением лица покачал головой.

Сун Цинфэн, наконец, наколотившись вдоволь, отпустил Ци Шу, выдохнул и отступил на пару шагов. Он повернул голову, собираясь спросить Линь Синь-нян, как она намерена поступить с этим делом, но едва повернулся, как заметил: Ло Цинчжу смотрит прямо на него. Сун Цинфэн, только что так ловко и решительно избивавший людей, вдруг застыл.

Он медленно открыл рот:

— Я... я обычно не бью людей!

Глядя на его напряжённый и заикающийся вид, Ло Цинчжу, у которого на душе до этого было тяжело, вдруг не удержался и прыснул со смеху. Смех прозвучал легко и чисто.

Мать Ци тем временем рыдала, вопила, то поддерживала старшего сына, то младшего. В итоге мать и двое сыновей встали в ряд, все трое с распухшими и разбитыми лицами. Собравшиеся поглазеть люди показывали на них пальцами и перешёптывались.

— Так это, значит, Ци Шань не может?

— Тц... если мужик «не может», то это уж правда не может, ха-ха-ха!

— Жалко Чжу-гэра. Достался ему такой товар.

— Пион в коровью лепёшку воткнули!

— Я ещё в год его свадьбы говорил, что жаль! В нашей деревне сколько хороших парней было, а он замуж в чужую деревню ушёл!

...

Эти слова, словно прилив, хлынули в уши Ци Шаня. Он будто получил страшный удар. Даже хромая нога перестала болеть. С налитыми кровью глазами он бросился вперёд и принялся хватать людей и ругаться:

— Вон! Вон отсюда!

— Это дело моей семьи! Кто вам позволил языками чесать?!

— Проваливайте все!

Он обезумел до нечеловеческого вида: глаза широко распахнуты, в них сплошная краснота, рот искривлён в злобном оскале, слюна летит во все стороны. Большинство зрителей были женщины и гэры. Увидев, каким безумным и бешеным стал Ци Шань, все испуганно отступили на несколько шагов. Страшен не глупый человек, а сумасшедший. Судя по его виду, если довести, он и правда мог бы схватить нож. Они всего лишь пришли посмотреть на шум, а связываться с безумцем никто не хотел.

Ци Шань устроил целую сцену. Он оказался ещё отчаяннее собственной матери: ругал всех подряд, а кое на кого даже пытался броситься с кулаками. Люди испугались его безумного вида; смотреть дальше уже никто не решился, и толпа постепенно разошлась.

Ло Цинчжу холодно смотрел на всё это и, нахмурившись, покачал головой. Все эти годы человеком, с которым он жил душа в душу и делил одну постель, оказался вот такой гнилой товар?

Ло Цинчжу захотелось перенестись назад во времени, влить самому себе две пощёчины и обозвать слепцом.

Он глубоко вдохнул, вернулся в дом, вынес письмо о разводе и снова сказал:

— Как раз твоя мать тоже здесь. Подпиши письмо о разводе.

Ци Шань ещё не успел ответить, как первой взорвалась мать Ци. Она плюнула и выпалила:

— Тьфу! Какой ещё развод! Такого бесстыжего гэра, что всюду хвостом крутит, путается с чужими мужиками и подговаривает дикого хахаля бить собственного мужа и деверя, нам и даром не надо! Если уж на то пошло, это мой сын должен тебя выгнать!

Пару раз открыв рот, она тут же выставила отношения Ло Цинчжу и Сун Цинфэна грязными и непристойными.

Линь Синь-нян взбесилась и уже бросилась вперёд, собираясь разорвать её на части.

— Ах ты дрянь с помойным ртом! Я тебе пасть порву!

Но Сун Цинфэн оказался быстрее. Он ударил мать Ци ногой по голени. У женщины подкосились ноги, и она, потянув за собой младшего сына, рухнула на землю, ткнувшись лицом в грязь.

Мать Ци взбесилась так, что едва дым из ушей не пошёл. Несколько раз сплюнув грязь, она ткнула пальцем в Сун Цинфэна:

— Ты-ты-ты! Такой здоровенный мужик, а даже женщину бьёшь! Совесть есть вообще?!

Сун Цинфэн ничуть не смутился и спросил в ответ:

— Раз уж ударил, у меня от этого на лице глаз меньше станет или нос лишний вырастет?

Мать Ци снова завопила:

— Мужик женщину ударил! Младший на старшую руку поднял! Бесстыжий, совсем бесстыжий! По возрасту я тебе в матери гожусь, а ты на меня руку поднимаешь! Не боишься жизнь себе укоротить?!

Услышав это, Сун Цинфэн тут же начал закатывать рукава и сказал:

— Тогда ударю ещё пару раз. Посмотрим, умру ли я завтра.

<http://bllate.org/book/17177/1657871>